

6. Осипов И.Д. Новгородцев П.И. // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
7. Плотников Н.С., Колеров М.А. Павел Иванович Новгородцев // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: 1995.

Кацапова И.А.

**Трансформация идеи международного сотрудничества в современном мире:
нормативные основания**

*ИФ РАН
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/trnio-01-2023-310

Аннотация

В современных условиях трансформации общественных и общемировых отношений тема права и правореальности особо актуальна. Связано это с тем, что в период становления новых форм знания и смыслов формируется более гибкое отношение к представлениям о правовом плюрализме, а, по сути, акцентируется внимания не на государственном, а социальном характере права. Открытым остается вопрос и о политизации права. В статье подчеркивается, что актуальной для российской государственности является тема философского осмысления права и правовой реальности. Современной является проблема изучения той основы права, которая базируется на принципах морали, которая имеет фундаментальное и непреходящее значение для формирования социальной политики государства, а также разумно организованного общества. Пытаясь обосновать моральную основу права, отечественная философско-правовая традиция сориентирована была и остается на вопросы правовой культуры и правосознания. Проблема правосознания непосредственно связана с правовой культурой, как право связано с обществом, его традициями и доминирующими ценностями. В отечественной традиции правосознание представляет собой духовную основу правовой культуры. Важно подчеркнуть и то, что в современном мире коммуникаций право и мораль являются не только универсальными ценностями, но и способствуют формированию коммуникативных связей. В современном мире любая национальная культура вовлечена в коммуникативные связи и отношения с другими национальными культурами мира. Культурный плюрализм стал естественной характеристикой глобального мира.

Ключевые слова: право, мораль, общество, государство, правовая культура, правосознание, интеграция, модернизация.

Abstract

In modern conditions of transformation of social and global relations, the topic of law and legal reality is particularly relevant. This is due to the fact that during the formation of new forms of knowledge and meanings, a more flexible attitude to ideas about legal pluralism is formed, and, in fact, attention is focused not on the state, but on the social nature of law. The question of the politicization of law remains open. The article emphasizes that the topic of philosophical understanding of law and legal reality is relevant for Russian statehood. Modern is the problem of studying the basis of law, which is based on the principles of morality, which is of fundamental and enduring importance for the formation of the social policy of the state, as well as a reasonably organized society. Trying to substantiate the moral basis of law, the domestic philosophical and legal tradition has been and remains focused on the issues of legal culture and legal consciousness. The problem of legal consciousness is directly related to legal culture, as law is related to society, its traditions and dominant values. In the domestic tradition, legal consciousness is the spiritual basis of legal culture. It is also important to emphasize that in the modern world of communications, law and morality are not only universal values, but also contribute to the formation of communication ties. In the modern world, any national culture is involved in communication and relations with other national cultures of the world. Cultural pluralism has become a natural feature of the global world.

Keywords: law, morality, society, state, legal culture, legal awareness, integration, modernization.

Одна из обсуждаемых тем сегодня – социально-политические и нормативные трансформации современного мира. Основанием для этого являются современные процессы, связанные с созданием т.н. «нового миропорядка», который ориентирует мировое сообщество на формирование новых условий в межгосударственных, социально-политических, экономических и культурных отношениях. Особое значение приобретает осмысление возможностей и границ реализации уже существующих принципов организации как самих этих отношений, так и адаптации их к современным процессам. Необходимо в этой связи учитывать, что общественно-политические перемены, связанные с современной модернизацией локальных культур, для разных стран имеют неодинаковые последствия: для одних – этот процесс может открыть новые перспективы и возможности, для других – обернуться стагнацией и даже деградацией.

Теория модернизации, возникшая в США, была нацелена на объяснение происходящих в странах «третьего мира» процессов. Однако впоследствии концепция модернизации переросла границы локальных исследований и практически стала идеологией официальной политики США для обоснования их действий в отношении этих стран. Модернизация рассматривалась как вариант развития, совершенствования экономических, социальных, демографических, культурных факторов общественного устройства. Сегодня в процесс модернизации вовлечены практически все регионы мира.

Именно поэтому, развернувшиеся сегодня дискуссии о перспективах и возможностях глобального и национального развития нацелены на возможность осмысления насущной проблемы – роли глобализации в развитии национальных государств. И связано это прежде всего с тем, что тема глобального экономического роста сегодня уходит на второй план, т.к. в контексте разнообразия цивилизаций более актуальной становится проблема адаптации традиционных обществ к современной модели глобальной модернизации. Актуальными становятся два круга вопросов: первый, кому и насколько необходимы социальные программы, сориентированные на глобалистскую модель модернизации, и какой их общественный смысл в целом; второй – каковы конкретные способы интеграции и модернизации современных обществ в мировое сообщество.

Насколько полемика вокруг социальных программ, их экономических и социальных последствий является актуальной в идейно-политической борьбе различных общественных сил, и насколько эта борьба способна консолидировать интересы во благо общественного развития, предстоит решать современной политической prognostike. Однако, именно сегодня важно определить, в чем суть модернизационных процессов, связанных с изменениями цивилизаций и систем. Для этого необходимо осознать, в чем смысл понятия «современное» и как оно соотносится с понятием «традиционное», которому должны соответствовать все характеристики предполагаемых перемен, включая глубинные экономические, социальные, политические и культурные перемены. Важно также иметь в виду, что в контексте неравномерности развития, сосуществования так называемых передовых, развитых и отстающих стран, феномен современного понятия «догоняющее развитие» может быть представлен как в качестве константы исторических процессов, так и в качестве обычного процесса внутри отдельных стран, когда какая-либо среда жизни общества стремится достичь уровня более развитых сфер, т.е. соответствовать смыслам и принципам общецивилизационного развития. В принципе, догоняющее развитие может сменяться обгоняющим развитием, что является весьма важным аспектом внутренней государственной политики модернизации.

В условиях современного этапа глобализации открытыми для дискуссий остаются вопросы о значении современного государства, о его роли на современном мировом пространстве, а также вопросы о чрезмерной политизации права, о роли и значении международного права, о правовом плюрализме. По-новому сегодня рассматривается роль

государства и права в социальном пространстве. До некоторого времени вполне устойчивым представлением было то, что государство как политическое образование представляет собой самый надежный институт по организации и сохранению правопорядка, что оно является системой социальной защиты граждан. Однако именно этот институт переживает в настоящее время серьезный кризис. Сегодня речь идет даже не о том, сохранит ли государство свою территориальную целостность, т.е. свои границы, а, проще, свою реальность, а значит и свою идентичность, а о том, будет ли вообще существовать государство как субъект истории. Потому что именно сегодня, и это реальность, многие государства утрачивают свою легитимность и демонстрируют неспособность исполнять взятые на себя социальные обязательства как по поддержанию правопорядка, так и по защите от внешних угроз. Но еще большей опасности подвергается сегодня «социальный пакет» по обеспечению населения «социальными благами». Некоторые современные государства не могут даже контролировать и охранять политическую, военную, экономическую, социальную, культурную жизнь собственного народа в той степени, в какой это осуществлялось до сих пор. Именно такое положение рассматривается в качестве одной из причин трансформации современного мира.

Израильский историк и военный теоретик Мартин ван Кревельд в конце двадцатого столетия, рассуждая о расцвете и упадке государства, подчеркивал, например, то, что многие существующие государства – от Западной Европы до Африки – вольно или невольно либо объединяются в более крупные союзы, либо распадаются. И важно здесь даже не это, а то, что «многие их функции перехватываются различными организациями, которые, какой бы ни была их природа, определенно не являются государствами». В принципе, такая оценка вполне соответствует содержанию глобализации, но следует заметить, что она не раскрывает до конца проблем, связанных с самим процессом, как, бесспорно, и то, что глобализация сопровождается неким деконструктивным разрушением национальной государственности. И это на самом деле лишь частный аспект серьезного процесса смены социально-политических парадигм.

В современных государствах, учитывая уровень их развития, право является первоосновой и фундаментом их общественной жизни, при этом система социальных связей и отношений выстраивается на базе позитивного – национального – права. Безусловно, позитивная организация праворегулирования общественных отношений сориентирована, прежде всего, на то, чтобы обеспечить порядок социальной жизни. Между тем, нельзя оставлять без внимания и то, что современная государственная политика праворегулирования должна быть нацелена на создание условий для реализации универсального принципа – социальной справедливости, способствующей формированию такой основы для социальной жизни государства, которая не препятствовала бы, а, напротив, способствовала бы в первую очередь духовному росту всех, без исключения, членов той или иной общности. Несомненно, благополучие нации, народа, да просто человека зависит не от охраны тех или иных учреждений, а прежде всего от уровня жизни, на который ориентирует его государственная политика. Поэтому при составлении юридических норм, законов должно соблюдаться основное правило, согласно которому, эти законы, по крайней мере, не должны вступать в противоречие с духовной эволюцией самого человека.

Современная юридическая практика допускает принятие или изменение текста закона, удовлетворяясь тем, что это и есть право профессионалов, которые зачастую не учитывают того, что текст закона остался неизвестен массовому сознанию, а это уже тема правовой культуры, и надо отметить, что не только профессиональных юристов, а, скорее, общественной правовой культуры. Как известно, не знание закона не освобождает от наказания, вследствие чего, защищая свои права в экстремальной ситуации, человек может и сам перейти линию, за которой он окажется не просто гражданином, а юридическим лицом, заслуживающим наказания.

Одной из актуальных тем в современном юридическом дискурсе становится тема – «коммуникация в праве и для права» (Марк ван Хук). Однако проблема состоит как раз в том, что современное право создано и пока еще развивается не только «через коммуникацию, будь то длительная традиция создания обычного права, парламентские дебаты при подготовке

законопроекта, судебные решения в виде последовательных или меняющихся прецедентов или учебные дебаты, которые лягут в основу будущих судебных или законодательных изменений законодательства», но и через осознание его международного статуса как основополагающего принципа коммуникации между государствами. В современном мире широкая коммуникация предполагает, прежде всего, то, что в этом дискурсе могут принимать участие не только юристы, но и политики, средства массовой информации и большая часть населения, особенно, когда обсуждаются важные моральные или политические идеи. Достижение консенсуса относительно ценностей через перманентную открытую и свободную коммуникацию становится все более значимой.

Таким образом, учитывая, что основная идея современной концепции глобального сообщества определяется системой международных отношений, которые практически должны базироваться на международном праве, представляющем собой совокупность правоотношений с элементами нормативных актов, регулирующих эти отношения, важно понимать, что современные международные отношения должны базироваться и на фундаментальных принципах, к которым относятся: во-первых, принцип международного сотрудничества, выражающийся в заботе о сосуществовании наций, народностей, этносов; и, во-вторых, принцип международной солидарности. Важно в данном случае ориентироваться на то, что какими бы архаичными ни казались эти понятия для современного человека, но именно они способны объединить человечество в единое политическое и культурное пространство.

Имеет принципиальное значение и то, что в рассуждениях о правовых формах суверенного государства, нельзя, игнорировать того, что в современных условиях межгосударственных отношений «внутренний» (региональный) и «внешний» (мировой) правопорядок тесно связаны между собой. Сущность современного права не может быть адекватно представлена без учета того, что любое национальное право непосредственно или опосредовано вовлечено во взаимоотношающиеся принципы взаимодействия. Строго говоря, «международное право», как, впрочем, и «национальное право», признающее свободы индивидов, их правосубъектность, практически формируют правовые отношения – как в международных, так и во внутренних делах.

Правда, в современных юридических дискурсах именно принцип универсальности и всемирности, который для древнего Рима был определяющим в формировании права народов – *ius gentium*, т.е. современное международное право, подвергается серьезному переосмыслению. «Международное право» каждый юрист, впрочем, и обыватель, называет правом, но именно этот статус «права» за ним многими теоретиками права сегодня отрицается. В частности, считается, что право, не созданное, или не признанное государством, в обычном – юридическом или неюридическом – словоупотреблении «правом» не называется. Хотя, в период становления новых форм знания и смыслов, все больше теоретиков стремятся признать международное право – реально существующим правом, ориентируясь прежде всего на то, что отсутствие альтернативы предполагает отсутствие процедуры, а именно, встает вопрос – по каким критериям должна будет осуществляться межгосударственная юридическая практика, без принципов международного права? Понятно, что любое стремление постичь, хотя бы частично, феномен права и правореальности, неизбежно сталкивается с выбором определенной как временной, так и культурно обусловленной перспективы, с выбором таких характеристик права, которые наиболее существенно отражали бы конкретный исторический период. Поэтому современное изменение политической и правовой реальности, конечно, предполагает и изменения в подходах к современным теориям права. По некоторым оценкам современное право становится все более прагматичным и политическим. Вряд ли можно сегодня назвать и теорию «государства и права» – исключительной, в силу того что, с одной стороны, на международном уровне возникло множество международных институтов, наделенных властью самостоятельно принимать решения. К таким организациям можно отнести Европейский Союз, принявший на себя часть правовой компетенции государств – участников Союза. С другой стороны, для сознания современного человека, например, понятие «жестко централизованное

государство» не является таким уж универсальным, каким оно считалось для человека XVIII или XIX века.

В современных условиях трансформации общественных и общемировых отношений – тема права и правореальности особо актуальна. И связано это с тем, что в результате современных процессов новая позиция в теоретическом знании и исследовании права, как считает, например, президент Европейской академии теории права, профессор Гентского университета (Бельгия) Марк ван Хук, может оказать «влияние на правовую реальность, особенно на акцентирование социального характера и значимости негосударственного права», а также сформировать «более гибкое отношение к представлениям о правовом плюрализме», сформулировав «более широкое, не ориентированное на государство понятие права». Понятно, что современные принципы и технологический подход в правотворчестве вытеснили классические его формы, когда, например, законы и институты общественной жизни считались существовавшими от века, и законодательство сводилось лишь к попыткам зафиксировать и сделать известным уже существующий закон, который неизменно воспринимался как данный, когда сама идея о том, что закон может быть создан людьми, была чужда мышлению народов. Как и понятно то, что новая политико-правовая реальность серьезно повлияла не только на классическую теорию государства и права, но и на современное социально-политическое мышление, ориентируя его на то, что сама концепция – «государство и право» – должна адаптироваться к новой реальности.

Правда, за новациями, теоретическими конструкциями и социальным моделированием игнорируется часто тот факт, что современная политическая карта мира характеризуется не только формированием наднациональных систем регулирования, которые практически навязывают целым странам политику во вред их собственным интересам, но и то, что именно поэтому сегодня все сложнее становится выстраивать межгосударственные отношения на принципах международного права.

Оценивая современный этап глобализации, очевидным становится то, что сам процесс сопровождается геополитическим кризисом, обострившим противоречия в сфере международных отношений, а также в сфере международного права. Исторически сложилось так, что в авангарде всех современных международных процессов стоит политика, и, соответственно, политикам предоставлено решать практически все проблемы социального развития, в том числе и на мировом уровне. Именно они устанавливают правила экономических санкций и ограничений для тех или иных стран, обуславливая эти маневры своими политическими доводами и амбициями. Вследствие чего в XXI веке экономические договоры между странами стали зависимы только от политической ситуации. Получается, что даже юридические вопросы сегодня приобретают статус «политических вердиктов», которые игнорируют статус международного права, создавшего целый комплекс универсальных форм взаимоотношений между государствами таких как – договоры, декларации, пакты.

Политика сегодня, как писал французский философ П. Рикёр, «находит свою кульминацию в вопросах о *легитимности* порядка, при помощи которого государство препятствует насилию, пусть даже ценой другого насилия, из которого вышла сама политическая власть и стигматы которого она непрестанно несет». Классик современной философии объясняет такого рода установки – «шоком, вызванным разгулом насилия на протяжении страшного XX века». Столкнувшись с юридической практикой, Рикёр «пришел к мысли о том, что юридическое, обрисованное в чертах судебного, предоставляет философу удобную возможность поразмыслить о специфичности права на подобающем ему *месте*, на полпути от морали... до политики». Философ настаивал на актуализации темы философского обоснования права и правосудия, потому что считал, что философия пренебрегает анализом юридической проблематики и «маскирует» ее под обобщенные этико-политические термины. Однако это, по мнению Рикёра, наносит ущерб обеим дисциплинам: как философии, так и юриспруденции.

Противопоставляя политическую философию - философии права, философ утверждал, в частности, что в политической философии «вопрос о праве затемнен неотступной мыслью о

неотвратимом присутствии зла в истории», в то время как в философии права, или как ее называет Рикёр – философии о праве, право может быть «признано в своей ненасильственной специфичности». Обобщая, он постулирует следующие интенции: «животрепещущей темой политической философии является война», тогда как «аналогичной темой философии права – мир». В своих рассуждениях философ пришел к убеждению, что не зависимо от того сколько бы ни было в обществе насилия, и чем бы оно ни было порождено - происхождением ли самого этого общества, или обычаями – «существует место, где слово одерживает верх над насилием», и место это – суд, и слово это – приговор. В принципе, Рикёр стремился «воздать праву то, что по праву ему причитается», и, соответственно, правосудию – то, что причитается ему - по справедливости.

В общем плане противопоставляя «политическую проблематику войны юридической проблематике мира», где некоторым образом «мирное предназначение юридического, коему судебное придает особую наглядность», и которое так же «изначально, как и склонность к насилию, которую проявляет политическое зло», Рикёр проецирует иную идею – идею пересекающихся областей знания и приоритета двух проблематик. По существу, предлагает междисциплинарный принцип исследования сферы юридического. В частности, он пытается найти ответы на сформулированные им же вопросы: «разве мир не является так же и конечным горизонтом политического, мыслимого как космо-политическое», а «отсутствие правосудия и, следовательно, в конечном итоге насилия не является ли еще и той начальной ситуацией, которую право безуспешно стремится преодолеть?».

Собственно, проблема, на которую указывает Рикёр, заключает в себе некий парадокс: ведь, что такое суд – это не только правосудие, но прежде всего это ситуация посредничества между преступлением и наказанием, это прежде всего столкновение интересов, и, по существу, это – конфликт. В ситуации суда, как совершенно справедливо заметил современник Рикёра отечественный мыслитель В.В. Бибихин, уже очевиден «признак неблагополучия». В таком случае не лучше ли, считает Бибихин, «осмыслить право раньше конфликта», например, через осознание права в качестве главной черты всякой устойчивой социальной жизни человека. Философ предлагает философское опосредование в обосновании права и «развертывания» его основания, потому что государство и юриспруденция «способны только преподать право, как факт», задачей же философии является обоснование права и правовой реальности, с точки зрения позитивного значения права в контексте социальной жизни.

Вопрос о чрезмерной политизации права, о чем размышляли философы и правоведы, остается открытым и в настоящее время. Излишняя политизация права приводит к тому, что общественное сознание воспринимает право, как совокупность норм и правил, обеспечивающих интересы конкретной социальной группы. Конечно, в этой связи современной остается проблема изучения той основы права, которая базируется на принципах морали, и имеет фундаментальное и непреходящее значение разумно организованного человеческого общежития.

Проблема философской рефлексии, или философского осмысления права и правовой реальности является актуальной темой для российской государственности. Сегодня ее пытаются обсуждать многие специалисты в области этики, политики, социальной философии. В России накоплен колоссальный теоретический материал по философско-правовой проблематике. Начиная с середины XIX – и до начала XX столетия были сформированы основные философско-правовые направления и концепции: возрожденное естественное право, психологическая теория права, концепция «права на достойное существование» человека, нормативная теория права и мн. др.

Теоретически отечественная философско-правовая мысль ориентировалась на естественно-правовую проблематику и на соотношение морали и права, пытаясь обосновать моральную основу социальной роли права. Для отечественной философско-правовой традиции, в отличие от Рикёра, сводившего философско-правовую проблематику к проблеме правосудия и проблеме справедливости, актуальными были и остаются вопросы правовой культуры и правосознания.

На самом деле проблема правосознания непосредственно связана с проблемой правовой культуры, т.к. право по своей сущности связано с обществом, его традициями и доминирующими ценностями, то оно по определению включено в общую культуру общества. И если рассматривать его в широком смысле, то оно содержит в себе базовые ценности правовой культуры в их соотнесенности с такими общественными ценностями как нравственные, религиозные, и даже с такими как смыслы эстетического сознания, но более всего, конечно, с общественным идеалом и, соответственно, лежащими в его основе социальными потребностями и интересами. Отечественный правовед и мыслитель И.А. Ильин писал, что «правовая жизнь подлежит общему и основному закону духовного развития и является, подобно религии, философии, науке, искусству и нравственному творчеству, разновидностью единого жизненно-духовного делания».

Правосознание, представляя собой духовную основу правовой культуры, в свою очередь играет значительную роль в социокультурном проектировании, ориентируясь в основном на формирование относительно высокого уровня развития правосознания, как способа ее освоения и, соответственно, усвоения. Сам процесс включает в себя не только познание права и уважительное отношение к нему, и даже поддержку, но и такой не мало важный аспект как возможность критического отношения к существующему законодательству, контроль над его содержанием, а также исполнением. Правосознание не является простым осознанием индивидом норм и принципов правового поведения, имеющего юридические последствия, оно прежде всего – органически встраивается в общественную жизнь. Именно поэтому не следует трактовать правосознание лишь в качестве рационально сформулированных ценностных установок или постулатов правового мышления. Следует глубже разобраться в духовно-практической природе правосознания, что одновременно позволит иначе переосмыслить и его существенные характеристики. В масштабах всего общества назначение правосознания, как и права в целом, состоит в организации справедливого мирного сожителства людей. Уместно вспомнить, что Ильин, высоко оценивая природу и назначение правосознания для общества в целом, предлагал, например, рассматривать всю историю человечества как историю развития правосознания.

В общественном пространстве проблема правосознания по сравнению скажем с такой проблемой как моральное сознание, сориентированное на проблему выбора между добром и злом, на первый взгляд не столь очевидна. В отечественной культуре исторически сложилось так, что нормативные отношения, выстроенные на моральных принципах: добра, совести, долга, очевидны и понятны, и совершенно конкретно одобрены общественным мнением. Тогда как правовая нормативность, сила ее формального воздействия, не столь радушно принимаема в общественном пространстве, и можно даже сказать практически игнорируется. Между тем, правосознание, которое регулирует правовую нормативность, более, чем мораль способно содействовать преобразованию права, а, соответственно, общественного порядка, и даже общественного строя. Моральное же сознание, в силу того что основные средства морального воздействия на общество сосредоточены на воспитании и обучении через положительные примеры нравственного человека, на усовершенствовании его личности, в принципе не способно сколько-нибудь существенно изменить условия социокультурной жизни. Несмотря на то, что действительность морального влияния зависит непосредственно от социально-культурных условий общества. Правосознание способно не только воздействовать на право и правопонимание, но к тому же способствует усовершенствованию как общественного порядка, так и социальной институциональности. Правосознание непосредственно влияет на изменение права, совершенствуя (или не изменяя) правовую реальность. Именно эти аспекты правовой реальности исследованы в творчестве отечественных правоведов и мыслителей к. XIX – н. XX века (В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, Л.П. Петражицкого, И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского и мн. др.).

Правила общежития ориентируются прежде всего на формально определенные нормы поведения, которые в принципе не учитывают так называемого *внутреннего* морального состояния (или поведения) людей. Рассматривая тему социальной нормативности Б.А.

Кистяковский в статье «В защиту права» принципиально отстаивает точку зрения, согласно которой социальное (общественное) взаимодействие, не могут быть выстроены «на одной этике». Такое стремление не только противоестественно, но и ведет «к уничтожению и дискредитированию» как самой этики, так и в итоге может привести «к окончательному притуплению правового сознания».

На самом деле при формально определенных правилах поведения отношения строятся с учетом того, что человек, сознающий свое социальное значение, не может не осознавать того, что в общественном пространстве он не один, кроме него есть другие люди, имеющие те же права, что и он. И важно отметить здесь то, что правовые нормы, определяя внешнее поведение, в то же время сами не являются чем-то внешним, потому что пребывают прежде всего в нашем сознании, а, соответственно, и являются такими же внутренними процессами нашего духа и нашей воли, как и в случае с этическими нормами и формами поведения. В этом смысле, все нормы общественного поведения приобретают внешнюю форму, выражаясь, в случае формальных отношений в статьях законов, а в случае неформальных – в правилах поведения, в «кодексах чести». Важно подчеркнуть, что ошибочное представление о праве как внешнем регуляторе общественных отношений способствует и ложному представлению о том, что правовые нормы – это безжизненные нормы, которые так легко укладываются в статьи и параграфы писаного закона, или какого-нибудь устава. Нет смысла оспаривать то, что правовой закон никогда не рассматривает человека как духовное существо, автономно включающегося в систему правовых ценностей, а также непосредственно несущего определенную юридическую ответственность за формально объективированные в поступках проявления своей позиции. Понятно, что правовое отношение к закону требует от человека только регламентированных законом средств его реализации, которые сохраняют формальную сущность самого закона.

Однако весь вопрос о праве начинается только там, «где допускается, что *не все, кажущееся правомерным, - в самом деле правомерно*», и только там, «где субъективному мнению о праве и посяганию на право – противостоит *объективно обстоящее, предметно определенное, самозначащее право*», и только на таких условиях возможен спор о праве. И так как право обоснованно испытывается волею как *объективно* значащее установление, как предмет, смысл которого «постигается не аффектом, и не эмоцией, и не воображением, а мыслью», подчеркивал Ильин, соответственно, для человека с «неразвитым правосознанием» право не имеет объективного значения и смысла. Однако, развитие правосознания требует, чтобы *каждый «усмотрел с силой очевидности объективное значение права»*. Потому что развитие правосознания прежде всего зависит от «работы над расширением и уточнением своего внутреннего духовного опыта». Главное, в знании о праве то, что «сознавать право – не то же самое, что иметь клубок субъективных эмоций». Согласно Ильину, где нет правосознания, там будут «только беспредметные и необоснованные суждения о мнимом праве и смутные фантазии на темы более или менее подобные праву». Для того, чтобы «иметь зрелое правосознание, необходимо выносить в душе особый опыт», который неминуемо порождает убеждение в действительной, объективно сложившейся природе права.

В отечественной юридической и философской литературе конца XIX – начала XX века проблема права и правосознания была ведущей темой дискуссий. Обсуждение ее активно проходило на страницах журналов: «Вопросы философии и психологии», в сборниках статей: «Вехи», «Проблемы идеализма», и отдельно изданных монографиях. В начале XX столетия в сборнике «Вехи» была напечатана, как сейчас говорят знаковая статья, Богдана Кистяковского «В защиту права», которая в свое время стала сенсацией и многие положения которой как представляется не утратили актуальность и в наши дни.

В принципе, можно согласиться с тезисом Кистяковского о том, что «на одной этике нельзя построить конкретных общественных форм», и с тем, что в современном мире коммуникаций становится очевидным: не только мораль, но и право, является универсальной ценностью. Современное общество без права существовать не может, как не могут быть выстроены на одной морали современные коммуникативные связи. Сфера нравственности

«представлена феноменами самой различной природы», имеющими, «разный онтологический статус»: это и действия, или поступки индивидов, или вообще нравы; это и отношения между людьми, сюда входят и общественные отношения; это и ценностные значения; это и психология индивидов – по сути, их моральный характер; это и моральное мышление – представления, воззрения индивидов; это, наконец, моральный язык, описывающий всю совокупность явлений. Понятно, что такая многомерность нравственности не способствует четкому представлению о моральном поведении человека в социальном пространстве, например, в статусе *этического субъекта*. И в таком случае, понятно, что практически невозможно на одной морали решать все социально значимые проблемы. В социальном пространстве наряду с межличностными отношениями, выстроенными на принципах морали: дружбы, симпатии, взаимовыгоды и взаимовыручки, существует и такая форма единения людей как «жизнь с другим и для другого» (П. Рикёр). В системе данных отношений другой не является для человека лишь противоположностью его «Я», его самости, потому что другой в значительной степени находится в одной социально обусловленной плоскости с человеком. Существенным для социальной жизни является то, что она подразумевает не просто межличностный характер отношений, выстраиваемых по принципу: «я – ты», скорее, социальную коммуникацию определяют формальные правила поведения человека, сознающего свое социальное положение. Наряду с этим, в социальных, или институциональных, отношениях человек должен осознавать и ориентироваться на то, что в общественном пространстве он не один, кроме него есть другие люди, имеющие те же права, на свободу, равенство, справедливость, что и он. Другой в данном случае является отдельной личностью, «не имеющей лица», – но он каждый, требующий, по праву, справедливости.

В заключение следует отметить, что современные интеграционные процессы представляют собой форму интернационализации, включающей в себя не только сферу социокультурной жизни стран и народов, но также и политико-экономические сферы производственной и хозяйственной деятельности. Любая национальная культура в современном мире вовлечена в коммуникативные связи и отношения с другими национальными культурами мира, что, собственно, делает национальную культуру более многогранной как во внутреннем, так и во внешнем измерении. В таком случае, ориентируясь на то, что культурный плюрализм стал сегодня естественной характеристикой глобального мира, стоит задуматься над тем, что международные и межнациональные связи и отношения необходимо мыслить не столько в понятиях глобального сообщества, сколько попытаться сформировать новые представления *об условиях жизни человека* в планетарном мире. И, с позиций понятия содружества наций и народов, кажущегося многим архаичным, попытаться возродить дух взаимодействия, предпринимая более активные усилия как в сфере политики, так и в сфере права и морали. Необходимо уходить от одномерности и продуктивно использовать потенциал, накопленный различными мировыми культурами и цивилизациями в ходе длительного исторического опыта, ориентируясь, конечно, на принципы международного права.

1. Бибихин В.В. Введение в философию права. М., ИФ РАН, 2005.
2. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., Наука, 1974.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2008.
4. Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М., Правда, 1991.
5. Стешенко Л.А. Глобализация, национальные отношения и государственная политика России // Материалы научно-практической конференции «Глобализационные процессы в сфере права: проблемы правового развития в России и СНГ». 16 апреля 2001 г. М., 2001.
6. М. ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.

7. М. ван Хук. Право как коммуникация. СПб.: издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та. ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. – 288 с.
8. Рикёр П. Справедливое. М., Гнозис/Логос, 2005. Предисловие.

Маслодудова Н.В.

Практическая философия и духовная психология: феномен роста популярности

*Сибирский юридический институт МВД РФ
(Россия, Красноярск)*

doi: 10.18411/trnio-01-2023-311

Аннотация

В статье на основе анализа сущности практической философии и духовной психологии обосновывается рост интереса к данным направлениям в современном обществе. По мнению автора, потребность в поиске нового знания, способного сохранить духовность в человеке, является в современном обществе, направленном на освоение нанотехнологий и технологий трансгуманизма, единственным условием сохранения человеческого в Человеке.

Ключевые слова: практическая философия, духовная психология, духовность человека, трансгуманизм.

Abstract

On the basis of analysis of the essence of practical philosophy and spiritual psychology, the article substantiates the growing interest in these areas in modern society. According to the author, the need to search for new knowledge that can preserve spirituality in a person is the only condition for preserving the human in a Human in modern society, aimed at mastering nanotechnologies and the technologies of transhumanism.

Keywords: practical philosophy, spiritual psychology, human spirituality, transhumanism.

Рост интереса к эзотерической литературе в современном цивилизованном обществе всегда приходился на сложные этапы его развития, сопровождающиеся сменой ценностной парадигмы, масштабными реформами, сломом привычных образцов и стандартов. Тот факт, что именно в 2021 году в России, по данным газеты «Коммерсантъ», резко выросли продажи эзотерической литературы (5), очередное тому подтверждение.

Потребность современного человека в практической философии и духовной психологии – это поиск простых ответов на сложные вопросы. Главный вопрос – как сохранить в себе человеческое?

Активное развитие на Западе идей объективно-однородной онтологии ставит вопрос об отказе от антропоцентрической картины мира и конечности человека в том варианте его существования, к которому мы шли тысячелетиями. Гуманисты эпохи Возрождения, ставя человека в центр мира, выдвигали на первое место свободу воли, как результат двойственности природы человека: духовного (божественного) и животного. Эта заложенная природой человека двойственность давала ему возможность, проявляя свободу выбора, подниматься вверх, духовно совершенствуясь, или падать вниз, деградируя на уровень животного. Признание однородности всего существующего, лишает человека его уникальности, связанной с наличием духовности. При этом совершенно не важно с какой позиции мы рассуждаем о духовности: с идеалистической или материалистической, так как единого понятия духовности в современной научной литературе не существует. Возможность связать духовность с человечностью обусловлена рассмотрением ее в качестве характеристики внутреннего мира человека, определяемого гносеологической потребностью «для себя» и социальной потребностью «для других». Рассматривая духовность как диалектическое единство этих двух видов потребностей, можно сказать, что это способ соединения образа мира с нравственным законом личности. Таким образом, человек духовен в той степени, в какой вышеуказанные потребности становятся доминантами его поступков и поведения. Духовность можно